

© 1994 г., ЭО, № 2

К. П. Калиновская

ПАМЯТИ

ДМИТРИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА ОЛЬДЕРОГГЕ

(К девяностолетию со дня рождения)

В мае 1993 года Дмитрию Алексеевичу Ольдерогге, выдающемуся ученому с мировым именем, организатору африканистики в нашей стране, исполнилось бы 90 лет. На одном из его юбилеев, а отмечались и его 60-летие и 70 и 80-летие, кто-то из его учеников в приветственном слове сказал, что имена таких людей науки, как Д. А. Ольдерогге, внесших большой вклад в мировую сокровищницу знаний, необходимо заносить в особую Красную книгу.

Да, действительно, теперь, когда Дмитрия Алексеевича уже нет среди нас, его учеников, остро понимаешь, что суть такого образного предложения прежде всего в том, что в Красную книгу попадают представители исчезающего вида. Что же это за вид людей, которому угрожает стать особенно редким в нашем обществе? Какой социальной, культурной категории отвечал своими качествами этот человек? Прежде всего он был потомственный интеллигент. Он получил университетское образование в России, а затем углубил и расширил его в лучших университетах и культурных центрах стран Европы. Благодаря приобретенным с детства знаниям, Дмитрий Алексеевич стал блестящим широким эрудитом. Трудно было назвать область гуманитарных знаний, в которой бы он не был компетентен.

С начала его научного пути он был рядом с такими известными деятелями науки, как В. В. Бартольд, Н. Д. Флитнер, В. В. Струве, М. Э. Матье, Л. Я. Штернберг и др., среди них были крупнейшие лингвисты, востоковеды, историки. Д. А. Ольдерогге являлся представителем старой классической российской научной школы.

Известно, что Дмитрий Алексеевич начинал свою научную карьеру как египтолог. Однако его огромная природная тяга к неизведанному довольно рано повела его пытливый ум и любопытство исследователя дальше, за пределы древнего Египта, в дебри Черной Африки, которая была еще так мало изучена, но и манила массой тайн и обещаниями многих научных открытий. Смолоду Дмитрия Алексеевича отличали и смелость и решительность — свойства, только при наличии которых можно было пускаться в такое опасное плавание как африканистика.

Как мы знаем, Дмитрию Алексеевичу с честью удалось преодолеть избранный им тернистый путь в исследовании Африки. Причем только с его огромным запасом энергии стало возможным развить африканистику как отрасль научного знания сразу по нескольким направлениям. В этом Д. А. Ольдерогге проявил себя как блестящий ученый-лингвист, этнограф и историк. Он был великолепным знатоком языков Африки, ее искусства и материальной культуры, хозяйства, разных аспектов истории многочисленных народов черного континента.

Как организатор Дмитрий Алексеевич Ольдерогге проявил себя в первую очередь на двух поприщах, он возглавил кафедру африканистики на Восточном факультете Ленинградского Государственного Университета и создал и возглавил сектор Африки в Ленинградской части Института этнографии АН СССР. Среди

армии его учеников было много студентов из разных стран мира, а его бывшие российские студенты и аспиранты трудятся в различных институтах и университетах страны, где представлены проблемы Африки и общей этнографии, языкознания, литературы.

В научном секторе Африки Дмитрий Алексеевич провел огромную работу по составлению первых в России словарей важнейших языков Африки — суахили и хауса. Здесь же им было организовано первое в мире создание серии научных изданий письменных источников по этнографии и истории Африки южнее Сахары (арабских, китайских, античных). В секторе Д. А. Ольдерогге руководил работой своих учеников по проблемам этнической истории народов Африки, вместе с ними разрабатывал проблемы культуры, этногенеза, государственности, блестяще поставил музейное дело.

Однако Д. А. Ольдерогге был не только выдающимся африканистом. У нас и за рубежом широко известны его исследования проблем первобытности, прежде всего истории развития систем родства, общинных структур и связей и других элементов социальной организации народов мира. Его критическое исследование расистской «хамитской теории» далеко вышло за рамки африканистики. В сферу его научных интересов входило изучение материалов по народам Африки, Азии, Австралии и Океании, Америки. Все эти и множество других проблем, тем и вопросов нашли отражение в более 180 научных трудах этого ученого.

Плодотворная научная, музейная и педагогическая деятельность Д. А. Ольдерогге сделала его имя широко известным. Он был членом многих отечественных и зарубежных научных и общественных организаций. В нашей стране: членом Ученых Советов Института этнографии и антропологии, Института востоковедения, Института Африки, Института языкознания, Ленинградского Государственного Университета, Музея этнографии народов СССР, Академии художеств, Библиотеки Академии Наук, деятелем Всесоюзного Географического общества, а также членом редакционных коллегий ряда научных изданий, в том числе журнала «Советская этнография», многотомного издания «Языки народов мира», «Исторического атласа», «Трудов Музея антропологии и этнографии» и других.

В 1960 г. за выдающиеся заслуги в научной деятельности Д. А. Ольдерогге был избран членом-корреспондентом АН СССР по отделению литературы и языка.

Д. А. Ольдерогге был членом многих зарубежных научных обществ, в том числе — Французского общества африканистов, Британского королевского антропологического общества, членом-корреспондентом Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета.

Д. А. Ольдерогге многократно представлял отечественную науку на международных форумах (МКАЭН/ы/, конгрессы востоковедов), неоднократно выезжал за рубеж для чтения лекций, в научные экспедиции.

За заслуги в развитии отечественной науки Д. А. Ольдерогге награжден несколькими правительственными наградами, а Всесоюзное Географическое общество отметило его золотой медалью имени П. П. Семенова-Тян-Шанского. За труды в изучении Африки Д. А. Ольдерогге был удостоен премии имени Хайле Селассие I.

Это всего лишь краткая сводка сведений обширной многолетней деятельности Дмитрия Алексеевича Ольдерогге, так как только один перечень его публикаций занял бы много страниц, а подробный отчет о его организационной, научной, музейной, библиотечной, педагогической, экспедиционной работе потребовал бы обширного исследования.

Этот год, будь жив Дмитрий Алексеевич, стал бы для него и для нас, его учеников, еще одним юбилейным. Однако судьба распорядилась иначе, Дмитрия Алексеевича нет с нами. Но он остается жить в нашей памяти, в книгах, статьях, педагогической деятельности его учеников. Если бы мог состояться и этот юбилей, то думаю, что многие из его воспитанников сочли бы за честь сказать своему учителю приветственные и благодарные слова.

Да, Дмитрий Алексеевич был с высокой буквы интеллигентом и личностью

неординарной. Общаться с ним было всегда полезно, интересно, но порой даже страшновато, потому что рядом с ним мы выглядели лишь учениками подготовительных классов. Как крупная личность Дмитрий Алексеевич Ольдерогге был многогранен и неоднозначен. И писать о таком человеке непросто.

Мы поступали в ЛГУ в 1953 году, в год смерти Сталина. До этого разразилось известное «дело врачей». Помнится, после средней школы мы были какими-то «оголенными», как цыплята без перьев, встревоженные, полные сомнений и неуверенности, неспособные самостоятельно разобраться в окружающем мире взрослых, и, не в пример современной молодежи, какими-то незащищенными. И вот, Университет, храм Науки, что-то святое! Конечно, мы тогда многое идеализировали и романтизировали. Вокруг нас оказались обыкновенные люди — студенты и преподаватели, и проблемы нас окружали простые, жизненные. Но не все было, однако, обычным. Прежде всего — экзотика Восточного факультета: ни на что непохожие языки, названия стран, народов и культур, которые мы сразу начали изучать. И среди этой атмосферы необычайности — наш заведующий кафедрой африканистики — Дмитрий Алексеевич Ольдерогге — человек-легенда. Мы еще во время вступительных экзаменов узнали, что у него — феноменальная память, что он знает все языки Африки, не говоря уж о европейских языках, всю литературу об Африке, объездил всю Европу, знаком со всеми знаменитостями и т. д. и т. п. Почти так все и было. Но боялись мы его ужасно. Помню на первом курсе на экзамене по введению в африканистику одна моя сокурсница от страха перед ним никак не могла сосредоточиться и начать готовиться к ответу. Дмитрий Алексеевич что-то в ней заметил, подошел, спросил в чем дело. Она же смогла только прошептать помертвевшими губами: «Я готовиться не могу, Дмитрий Алексеевич, я Вас боюсь!». Ему этот ответ очень понравился, — его развеселило, что его так боятся, хотя на самом деле он совсем не был страшным или пугающим человеком. Дело было в сравнении наших микроскопических знаний с его гигантской эрудицией, и от этого ощущения своей ничтожности на экзамене у него нам всем становилось страшно. Да к тому же, Дмитрий Алексеевич обладал большим чувством юмора и при случае любил подшутить и кольнуть в шутку. Он мог, например, слабенький по знаниям, но самоуверенный по тону ответ студента оценить так: «Ну что ж, мамочка, я по совести должен поставить Вам кол, но учитывая Вашу находчивость, и то, что Вас лишат стипендии, — ставлю Вам — четыре». Студент выскочил с экзамена красный, как рак, от стыда. После такого урока, помню, он меньше четверки на экзаменах не получал.

Что сразу отличало нашего «шефа» (так все мы называли Дмитрия Алексеевича меж собой, а иногда и прямо к нему так обращались, но это уже позже, те, кто работал с ним в Институте этнографии), так это его внешность! За тридцать лет, что я его знала, не помню случая, чтобы Дмитрий Алексеевич был бы в чем-то небрежен. Всегда подтянут, аккуратен, всегда элегантно одет. А как он хорошо говорил! Особенно в хорошем настроении он так рассказывал о заграничных поездках, о военном времени, о знакомых ему людях, — заслушаешься! С первого дня учебы на его кафедре он и все кафедральные преподаватели обращались к нам, первокурсникам, вчерашним школьникам, исключительно на «Вы». Такая норма взаимного обращения сразу всех дисциплинировала, исключала любую форму панибратства, а вместе с тем делала доступным общение с такой величиной, авторитетом как наш «шеф». Он сам объяснял это так: «Время летит быстро, может Вы будете работать у меня в секторе в Институте, станете моим коллегой. Ну как мне к Вам тогда обращаться — Петя, Ваня? Неудобно. Лучше сразу привыкнуть обращаться на «Вы», по имени и отчеству. Теперь я думаю, что за простотой такого объяснения было нечто более глубокое в нашем учителе. Это, видимо, было то, что тогда, в то время, еще было немодным, неактуальным — просто интеллигентность нашего профессора. А она была во всем Дмитрие Алексеевиче — в его одежде, в его речи, в его манере раскланиваться на улице с самыми незначительными знакомыми, в его открытости с учениками, в подшучивании над самим собой, в простоте его рассказов о жизни и науке, в наших

праздничных застольях, которые шеф любил и охотно поддерживал, первым бросая в подставленную для складчины шапку самую крупную купюру.

Я помню, как пришедшему за нашим юному поколению африканистов, которым не удалось слушать полные курсы Ольдерогге, я говорила, если Дмитрий Алексеевич где-нибудь в городе должен был читать лекцию: «Идите обязательно, посещайте все лекции Дмитрия Алексеевича. Ольдерогге — последний из могокан, он представитель старой российской научной школы, да и европейской. Кроме науки, учитесть у него интеллигентности». Так мы передавали друг другу, от поколения к поколению, как эстафету, легенды и истины о нашем учителе, а вместе с этим и знания, которые получали от общения с ним.

У Дмитрия Алексеевича была своя шкала оценок знаний и поступков учеников. Не дай бог, было услышать от него: «Дорогая моя, Вы — курица», причем эта оценка выдавалась без различия пола, мужчина в аналогичной ситуации тоже получал «курицу». А это означало из уст шефа, что хуже быть не может. Но когда за мной и моей коллегой после сданного нами кандидатского экзамена прибежали из комиссии, возглавляемой Ольдерогге, с криком: «Ну, где же вы, „крокодилы“?!» (нас звали в комиссию за ответом, оценками). Сколько было в душе восторга! Дело в том, что «крокодил» была высшая оценка из уст нашего учителя и шефа. А ведь бывали и «курицы». Как это нас воспытывало! Второй раз никто не хотел заработать «курицу», старались за «крокодила»!

А лекции Дмитрия Алексеевича! Он, правда, часто уезжал за рубеж, были пропуски. Но мы всегда ждали продолжения. Сколько бывало отклонений от темы лекции, да каких интересных! Иногда они становились длиннее самой лекции, но сколько нам давало такое общение с этим человеком! Он действительно блестяще знал научную литературу, никогда не ошибался в библиографических данных, прямо сыпал справки по книгам и статьям на любую тему.

А еще он требовал от нас беречь чистую бумагу, экономить ее. Как он сердился, если кто-нибудь приносил ему на подпись справку, заявление или еще что на одной трети исписанного большого листа бумаги! Он помнил суровые времена нашей страны, когда приходилось экономить не только хлеб, но и бумагу, без которой и во времена блокады Ленинграда ученый не мог обойтись. У него на рабочем столе под стеклом всегда можно было увидеть памятные записочки размером с трамвайный билет. Однако жадным Дмитрий Алексеевич не был. Он давал ученикам деньги в долг, даже на постройку кооператива. К нему можно было прийти просто за моральной поддержкой в случае даже какой-то личной беды, и соучастие этого мудрого, опытного, уважаемого человека могло укрепить в минуты человеческой слабости.

Дмитрий Алексеевич, несмотря на все его высокие звания и мировую известность, был очень доступным человеком. Мне больше никогда, к сожалению, не встречались руководители с таким свойством, даже если титулов и авторитета они имели меньше. Он бывал очень внимателен и любопытен к нам, «малышатам», как он нас, своих учеников и коллег, называл. Помню, сколько было споров в свое время по существу понятий «род», «матриархат», ведь мы учились, осваивали основы этнографии. И вот как-то я нашла в библиотеке в одном из сборников статью Ольдерогге «Система нкита», читала ее на галерее в библиотеке Института этнографии в Ленинграде. К моему столу подошел Дмитрий Алексеевич: «Что Вы тут читаете?». Показываю и говорю: «Дмитрий Алексеевич! Мы все спорим, а Вы так просто и понятно все объяснили в этой статье: „Материнский род — это не род матери“. Ведь это снимает проблему матриархата, которая и возникла в нашей литературе из-за некорректного перевода на русский язык немецкого „Mutterrecht“». Дмитрий Алексеевич, никогда не забуду, оживился, загорелся любопытством: «Где, где тут это написано?». Прочел, просиял, он сам уже и забыл про эту свою статью. Сказал: «Ну, ну, действительно, верно. Конечно, насчет матриархата это все Косвен напутал», и пошел так просто, будто и не было научного открытия. А мы эту статью, как бестселлер передавали

из рук в руки, постигая соль науки, а один из ее творцов ходил мимо нас и даже не замечал наших восторгов в его адрес.

Для нашего учителя не существовало неинтересного в науке. И вместе с тем, у него был ряд его любимых, сокровенных тем и даже областей научного знания. Среди них: конечно, системы родства, материальная культура, особенно сельскохозяйственные орудия, музейное дело, города-государства, происхождение письменности, системы счета, тайные союзы, системы возрастных классов и другие. По всем этим проблемам у Дмитрия Алексеевича было немало интереснейших работ, однако, он никогда не держал свои любимые темы только при себе. Он нередко «дарил» их своим ученикам. Так мне очень в жизни повезло, когда Дмитрий Алексеевич предложил для моего исследования одну из своих труднейших и любимых тем — системы возрастных классов в Африке. Для многих из нас первые темы, данные Д. А. Ольдерогге, стали в дальнейшем главным направлением в научной жизни. Дмитрий Алексеевич умел дать это верное направление, он лучше всех знал историографию науки, проблематику и степень разработанности, теоретическую значимость той или иной темы, вопроса.

С первого курса университета мы все усвоили аксиому, сформулированную Дмитрием Алексеевичем: «Без знания африканских языков и материальной культуры народов Африки — нельзя стать настоящим африканистом». Этому программному условию наш учитель всегда оставался верен. На его кафедре студенты получали знание нескольких важнейших языков Африки и представление о других, а в Институте этнографии всех сотрудников своего сектора Д. А. Ольдерогге «пропускал» обязательно через музейную практику, через работу в богатейших музейных фондах Института, где перетрогав сотни предметов быта африканцев, мы осваивали необходимый для знания изучаемых народов пласт их культуры.

Вообще Дмитрий Алексеевич был замечательным знатоком музейного дела, его патриотом. Он многие годы возглавлял Музейный совет в Институте этнографии, его Музейно-закупочную комиссию. Ольдерогге был универсалом и в этой области. А как он любил наше историческое здание «Кунсткамеру»! Помню, я как-то проходила через зал Австралии. Вижу несколько незнакомых мне мужчин опускают с потолка знаменитую старинную серебряную люстру, высотой в полтора человеческого роста — украшение не только этого музейного зала, но и всего нашего Музея. Я знала, что совсем недавно люстру чистили. Подошла и поинтересовалась зачем снимают, не в реставрацию ли? Мне ответили, что нет, что люстру просто увозят в другое учреждение по распоряжению хозяйственной администрации. Услышав это, я и подумать не успела, как мои ноги сами понесли меня в кабинет Дмитрия Алексеевича, как к единственному спасению от катастрофы. А он как раз только что пришел в Институт. Запахавшись я только и смогла ему выпалить: «Дмитрий Алексеевич! Люстру увозят!». Ничего не спрашивая, все поняв на лету, этот уже 60-летний человек бросился впереди меня, перепрыгивая через три ступеньки лестницы наверх, сперва в зал, где крикнул рабочим: «Прекратите!», а оттуда — в администрацию Института. А через несколько минут драгоценную люстру уже поднимали с пола обратно ввысь, к потолку роскошного музейного зала, где она до сих пор еще висит, украшая зал и музей.

Во всех трех кабинетах сектора Африки усилиями того же Дмитрия Алексеевича сохранилась старинная красивая мебель, создававшая особую атмосферу для работавших в них. Еще много можно рассказывать о музейных, библиотечных делах этого удивительного ученого.

Дмитрий Алексеевич сохранился в памяти как яркая, но и сложная личность. Это был отнюдь не «сахарный» человек. С ним бывало иногда и нелегко. Он мог и разгневаться, иногда бывал по нашим представлениям несправедлив. Мы тогда сердились на него, как дети обижаются на родителей. Однако в любой жизненной и производственной ситуации в нашем учителе побеждал Ученый. Не всегда по молодости лет мы могли, вернее, умели это увидеть и правильно оценить. Особенно в тех случаях, когда нас не гладили по головке. Это с годами, переоценив

многие события прошлого, мы теперь можем понять, что взбучка от нашего учителя и шефа приносила нам же больше пользы в работе и в жизни, чем похвала. И все же редко-редко получаемые от него «крокодилы» радовали нас и наполняли гордостью и чувством собственного достоинства!

О Дмитрии Алексеевиче Ольдерогге можно рассказывать часами, такая уж он богатая натура и личность, общение с ним — можно было бы сравнить с массой прочитанных полезных умных книг. И все же, как нам, африканистам повезло в жизни, что нам выпал жребий учиться у такого замечательного профессора! Радостно сознавать, что масса его учеников продолжает нести в себе и своих трудах частицу его души и знаний.

Один из учеников еще при жизни Дмитрия Алексеевича, глядя в открытую дверь его кабинета в Институте этнографии и указывая на всем известное старинное белое кресло ученого (на которое, кстати, никто из нас инстинктивно не смел усаживаться, хотя запрета такого вовсе не было), сказал: «Вот пока в этом кресле сидит наш Шеф — это кресло, а вот только сядет кто-то другой — будет простой стул». Грустно это вспоминать, но что-то из этого пророчества, похоже, сбывалось. Не собрались до сих пор ученики Д. А. Ольдерогге сделать мемориальную дощечку на дверях его кабинета, где он работал много десятилетий (правда, и кабинет не сохранился). И не хватило еще чувства благодарности к Учителю, чтобы создать в память о крупном ученом, организаторе отечественной африканистики сборник статей. А надо бы.

In Memoriam of D. A. Olderogge (On the Ninetieth Anniversary)

The author tells about famous Africanist, member of the Royal British Anthropological Society, head of the African Department at the Institute of Ethnography (Leningrad Branch) D. A. Olderogge, who would have been ninety in May 1993.

K. P. Kalinovskaya